

От его красного «Лаки страйка» я закашлялась, будто вестница ковида. Но продолжала курить. Второй раз затянулась аккуратно. Третий медленно. Четвертая затяжка была бы спокойной – если бы не вся эта ситуация. Так всегда. Пока сигарета только началась, можно ни о чем не думать, а как дело близится к фильтру... Надо было решать: расходимся или нет.

Он чувствовал это. Вдруг посмотрел на меня прямо и сказал:

– А один раз нам за арбузы вставили...

Нелепо хихикнул и даже блеснул глазами из-под козырька своей кепки, выцветшей и мятой, с краями, разошедшимися на нитки. Сам он тоже был какой-то поношенный, изломанный, скомканный. Как старый манекен, который выбросили из окна. На моем фоне он смотрелся дико. Называл нашу встречу кастингом. Ха-ха, видели бы меня сейчас мои друзья! И с арбузами – ну никак он не ассоциировался, если только с высохшей коркой на асфальте.

Поэтому я сказала: «Пойдем через парк. Расскажешь». Запустила окурочек в сторону урны и прыгнула с крыльца забегаловки, откуда мы только что вышли. Он последовал за мной своей неполной походкой. Правой шагнул нормально, потом левой коротко, приставил правую и начал все сначала. Рассказывал, как и ходил, сбивчиво. Но, по крайней

мере, наконец рассказывал, а не только повторял фразочки про кастинг.

В его истории были детали, а я сразу на такое клюю. В голове включилась полифония. Я даже забыла, что собралась вызывать такси, – начала придумывать историю. Замелькали кадры. Далекое южное лето. Небо такого синего цвета, что от него кружится голова и куда-то проваливается сердце. На земле лениво загорают огромные сферы, снаружи полосатые, внутри красные в черную крапинку. Двое друзей простукивают ягоду за ягодой (у него вызывало какой-то дикий и детский восторг, что арбуз можно называть ягодой), наконец выбирают два арбуза, перепиливают стебли перочинным ножом, катят их до брошенных велосипедов, привязывают к багажникам. И несутся обратно, подпрыгивая на плитах бетонки, которая протянулась от горизонта к горизонту. В планах – ночная арбузная вечеринка.

Но вечеринка не удалась.

– Стуканула вторая группа, – он дергано затянулся, – до сих пор тошно на арбузы смотреть.

Он был из детдома в Ростовской области. И закончил рассказывать так, что стало понятно – после того случая цвета в его жизни потускнели. Надеюсь, его с другом хоть не избили за кражу, а то с чего бы ему хромать? Это я думала про себя, не спрашивала, и так получилось, что осталась. Все-таки человек в детдоме вырос, а я посидела в кафе полчаса, поку-

Я прошу сухого вина, приносят не совсем сухое, зато со льдом. Я отпиваю, точнее, я запиваю мысль «боже-что-я-тут-делаю». Кепка к тени на лице не имеет никакого отношения. Она если только добавляет эффекта, но главное, что кожа у Димы какого-то покойнического, смугло-серого цвета, и под глазами серость берет полный верх. Это человек-тень.

рила и до свидания? Но и сказать было нечего. Кроме как «дай, что ли, еще сигарету». Вторую курила как будто и не бросила полгода назад. А ему было приятно – чувствовал, что хоть чем-то мне полезен.

Вы, конечно, спросите, где я откопала такого спутника? А откопала я его в тиндере одинокой и темной ночью. Взяла и поставила лайк, так устала от работающих исключительно для души, вечно ноющих, не готовых не то что к решительным, а вообще к действиям мальчиков, то ли друзей, то ли бойфрендов, от своего, что называется, круга. Ну, возможно, неудачное знакомство, думала я, но хотя бы истории-то можно послушать?

На фотографии он был в той же кепке, только тогда она была новее на несколько лет. Как и он сам. Я тогда подумала – да кто ж так фотографируется, под козырьком ничего не разобрать, какая-то тень на лице. А так, может, и ничего. Подписано «Дима, 33», в разделе о себе строки: «Жизнь – кастинг, горим и гаснем» и что-то там дальше. Договорились встретиться, место выбрал он.

И вот мы сидим в забегаловке у метро, как будто перенеслись в девяностые, – вход между ломбардом и аптекой, шатающийся столик на гнутых

ножках, меню с пельменями и чебуреками. Я прошу сухого вина, приносят не совсем сухое, зато со льдом. Я отпиваю, точнее, я запиваю мысль «боже-что-я-тут-делаю». Кепка к тени на лице не имеет никакого отношения. Она если только добавляет эффекта, но главное, что кожа у Димы какого-то покойнического, смугло-серого цвета, и под глазами серость берет полный верх. Это человек-тень. У него черные джинсы, истертые до потери цвета, и куртка, какие носили, когда я училась в школе.

Человек-тень смотрит куда-то в сторону, но иногда взглядывает на меня, как на существо из другого мира. Мне неудобно, а он ковыряет картонку под своим пивом зубочисткой. Обычно я всегда найду что рассказать – я же коллекционирую истории, – но тут потерялась.

Наш разговор замирал, путался, спотыкался. Он вдруг предложил перекинуться «в картишки» и даже достал колоду с заломанными углами. Я отказалась, хотя неплохое было бы зрелище, если бы мы начали играть в подкидного.

Своего разговора у нас не было, и я решила послушать чужой.

– Думаешь, тоже тиндер? – Я кивнула на соседнюю пару.

Напротив сидели расплывшийся мужчина лет пятидесяти в светлом пиджаке на водолазку и потерьянная женщина помоложе с черными бровями и розовой помадой. Я начала подслушивать, есть такой прием, когда совсем не о чем разговаривать. Это как пойти в кино.

Мужчина говорил с видом эксперта:

– У современной московской проститутки обычно три высших образования. Институт Натальи Нестеровой – его, кстати, закрыли потому, что стало слишком много шлюх, потом институт диджейна – это когда она разочаровалась и стала искать себя, ну и психологический факультет – как финальный аккорд, вишенка на торте.

Пара как раз выпивала под десерт из затуманенного холодом графина. Они чокнулись, и Дима обернулся на звук встретившегося стекла.

– Почему вы мне это рассказываете? У меня вообще нет высшего образования. – Его спутница как будто обиделась и опустила на стол измазанную розовым рюмку.

– У нормальных людей, у тебя, у меня, его и нет. – Мужчина в пиджаке снова выпил. – У меня вот неоконченное.

– Получается, я нормальный, – с каким-то почти удовольствием сказал Дима. – Плюс балл на кастинге. А потом мы ушли, и он не оставил чаевые.

Закурив вторую, я села на скамейку в парке. Листья уже всю лето летели вниз сквозь вечернюю полутьму. Арбузы арбузами, карты картами, но о каком кастинге он все время говорит? Я спросила, и он ответил.

– Есть такая песня, в ней все объяснено, – сделал паузу, – я слова написал.

Да, спросила я зря. Какая песня, какие слова, если он даже фразы собирал с трудом. Но он уже рылся в телефоне, и вдруг тот заиграл – про королей спальных кварталов, палево, мутки:

*Никто не знает, кому как карта ляжет.
Платим дважды, однажды не заметив лажи.
Даже сажей можно нарисовать счастье.
Жизнь – кастинг, горим и гаснем.*

Строки из его профиля. Телефон пел, а Дима держал его на ладони, как что-то умильное, вроде котенка, и улыбался.

Когда песня кончилась, он сказал, что подарил этот «рэпчик» Басте. Он вдруг заговорил складно. Рассказал, как переехал в Москву, бродил под эстакадами, мимо столбов и заборов, гигантский город предлагал ему «деньги», «регистрацию», «шаурму», «кредит». И из этих слов он складывал рифмы. Сначала я ничего не понимала. А потом вдруг поняла – ну да, конечно, это же только его фантазии, он рассказывает много раз отрепетированную историю, в которую, возможно, верит.

Козырек его кепки приподнялся. Свет фонарей, вывесок, окон, фар – весь какой был на вечерней улице – добрался до Диминого лица, до его глаз, в них подпрыгивали дикие выдумки. Тень отступила. Вот он в чужом северном городе, в своих мечтах друг Басты и повелитель рифм, ходит на свидания... А потом он полетел под откос. Рассказывал, что его квартиру отобрали черные риелторы, что он совсем один, что встречу с Бастой он, может, выдумал, а, может, и нет, что он вернется в Ростов, снимет ночью колеса с «жигулей» тетки... У него сбивалось дыхание.

Очень кстати начался дождь, и я сказала: «Мне пора». Он как-то сразу замолчал и поник, но принял это покорно. Покурили. Я вызвала такси, а он спросил: «Можно я тебя обниму?» Я кивнула. Дима обнял, почти не касаясь. Потом полез в карман и дал еще две сигареты на ночь. Идти к такси надо было, не оглядываясь, как будто ничего не случилось.